

вотных: иж. *яндо* 'северная овчарка' (нен. *яндо*); иж. *неблуй* 'осенний теленок' (нен. *няблуй*); иж. *нявутя*, *нявутся* 'отелившаяся годовалая важенька' (нен. *нявця*); иж. *пэндук* 'двух-трех-месячный олений теленок' (нен. *пендуй*); нв. *пороль* 'бык-производитель' (рус. *пороль*); иж. *сюндуй* 'безрогий олень' (нен. *сюнды*); нв. *тегö*, *тегур* 'баран-производитель' (тат., башк. *тәкә*, тур., туркм. *тәкә*); иж. *хапты* 'ездовой бык' (нен. *хапт*); иж. *ядей* 'важенька (самка оленя)' (нен. *ядей*) и др.

Как видно из сказанного, замечания по

отдельным этимологиям незначительны, особенно если учесть большой объем исследования и внушительное количество частных наблюдений этимологического характера. Выводы автора заслуживают самой высокой оценки.

А.-Р. Хаузенберг собрала, тщательно систематизировала, исследовала и ввела в научный обиход большой фактический материал по малоразработанному разделу пермского языкознания.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.3.11>

J. Peebo, «Kalevipoja» sõnavara. Väitekirj filoloogiakandi-daadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tartu 1973.

4 мая 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации старшим преподавателем Яаком Пезбо на тему «Словарный состав эпоса «Калевипоэг»». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук О. Кыйва (Тарту).

«Калевипоэг» как первое крупное национальное произведение имеет особое общественное и общекультурное значение. Оно появилось в прошлом веке накануне зарождения национального движения и поэтому влияние его не могло ограничиться лишь литературной сферой: идеализируя древнюю свободу и призывая к борьбе с рабством и угнетением, «Калевипоэг» стал существенной опорой развивающемуся демократическому общественному движению.

При этом «Калевипоэг» представляет собой произведение, которое привлекает внимание исследователей уже в течение более ста лет, оно противоречно как по содержанию, так и по элементам формы. Противоречива уже история создания его: сначала Крейцвальд предполагал его как прозаическое, затем по примеру «Калевалы» решил придать ему форму старинной народной песни. Противоречив главный герой «Калевипоэга», который, хотя и является королем и фантастическим богатырем, прежде всего крестьянский герой, строитель, мореплаватель. Будучи

идеальным героем, Калевипоэг в то же время человек с противоречивым характером и внутренним миром, со слабостями, совершающий роковые ошибки. Противоречив и не до конца выдержан и язык эпоса, его лексика, рассмотрение которой и является целью диссертации Яака Пезбо.

Так как Ф. Крейцвальд сыграл значительную роль в обогащении лексики эстонского литературного языка неологизмами, весьма актуален анализ лексики его основного произведения «Калевипоэг». Автор диссертации осознает, что настоящий уровень лексикологии эстонского языка при наличии лишь немногочисленных предварительных исследований, освещающих отдельные периоды в развитии литературного языка, позволяет решить далеко не все вопросы, связанные с лексикой «Калевипоэга».

Основная задача исследования — охарактеризовать лексику «Калевипоэга», особенности ее системы на уровне письменности рассматриваемого периода. Затем автор работы выясняет происхождение лексики эпоса, ее основные источники и дает общую оценку роли «Калевипоэга» в обогащении словарного состава эстонского языка.

Для рассмотрения этой многосторонней проблемы Я. Пезбо необходимо было сравнить лексику «Калевипоэга» с лексикой других произведений Ф. Крейцвальда, имевшихся в его распоряжении записей и опубликованных сборников народных песен, а также с другими более ран-

ними эстонскими печатными источниками — словарями и картотеками; наконец, для определения диалектного фона проработать материалы общей картотеки лексики сектора диалектологии Института языка и литературы АН ЭССР. С этой трудоемкой задачей Я. Пезбо справился, соблюдая пропорцию при рассмотрении отдельных вопросов.

Диссертация (229 стр. машинописи) состоит из трех глав, предисловия, введения, выводов, словника, списка использованной литературы и сокращений.

В несколько растянутом предисловии подчеркивается необходимость при изучении языка подробно проследивать развитие лексики, которая представляет собой существенную часть истории культуры народа. В развитии литературных языков наблюдается ряд общих черт, например, быстрое развитие в XVIII и XIX вв. слов с абстрактным значением в русском, эстонском и финском языках. Далее автор останавливается на некоторых моментах развития лексики эстонского литературного языка в прошлом веке и знакомит с исследованиями, посвященными этим проблемам. «Калевипоэг» до настоящего времени остается единственным произведением в эстонской литературе, лексика которого полностью зарегистрирована и опубликована. В некоторой степени автор мог опереться на курсовые и дипломные сочинения по лексике «Калевипоэга», написанные на кафедре эстонского языка ТГУ, но столь обширное и детальное сравнение лексики «Калевипоэга» с лексикой более раннего литературного языка, диалектной и фольклорной лексикой и с материалами словаря Видемана в рецензируемой работе сделано впервые.

Обоснованным представляется суждение автора о том, что язык «Калевипоэга» не является ни чисто литературным, ни диалектным или фольклорным языком, несмотря на то, что Ф. Крейцвальд ставил перед собой задачу написать эпос языком народных песен с рунической формой стиха. Он не до конца справился с этой задачей, язык «Калевипоэга» богат неологизмами (произвольные удлинения и сокращения слов с целью рифмования) и это позволяет автору утверждать, что язык эпоса, который не использован ни в одном другом произведении, не укладывается в рамки наиболее общих понятий

и для анализа его следует создать особое понятие — язык «Калевипоэга». Было бы бессмысленным упрекать Ф. Крейцвальда в том, что он не справился с поставленной задачей, как это в свое время делали И. Аавик и другие, так как во времена Ф. Крейцвальда была принятой точка зрения, что в специфических формах слов стиха рунической формы отражается лишь произвольность автора, а не лингвистические закономерности, их поэтическая свобода, которой и Ф. Крейцвальд так широко пользовался в своем творчестве. Несмотря на это, выдающийся лингвист того времени академики Ф. Вьедман и А. Шифнер считали Ф. Крейцвальда отличным знатоком эстонского языка и не раз обращались к нему за толкованием значений слов. Приведенные в вводной части отдельные моменты, характерные для словотворчества Ф. Крейцвальда, служат необходимой основой для детального анализа лексики «Калевипоэга», отличной от норм языка своего времени, по словарным статьям в трех последующих главах.

Автор рассматривает прежде всего диалектную лексику (I гл., стр. 22—63), а затем через лексику народной песни (II гл., стр. 64—82) переходит к самой большой главе «Слова, созданные Крейцвальдом, и образования неизвестного происхождения в эпосе «Калевипоэг»» (III гл., стр. 83—173). Такое основное деление логично и вытекает из материала диссертации. Таким образом, в диссертации дается системное представление о богатом словесном материале. К сожалению, в ней отсутствуют численные данные об общем количестве рассматриваемых слов и их распределении по отдельным главам. Список слов (стр. 187—206) позволяет все же легко определить, что общее количество анализируемых существительных, прилагательных, глаголов и наречий велико — 657 (число словарных статей несколько меньше из-за объединения близких слов).

Автор хорошо знает исследуемый материал и необходимую методику анализа, изложение материала строго научное и точное, словарные статьи в представленном, несколько лаконичном виде можно в целом признать удавшимися. Несомненно, было бы целесообразно после заглавного слова привести стихи из эпоса,

чтобы таким образом непосредственно пояснить читателю значение его в контексте. Этому препятствовал, очевидно, ограниченный объем диссертации, но руководствуясь какими-то соображениями, автор не считал необходимым представить эти стихи и в виде дополнительного тома.

Ценны короткие резюме в конце каждой подглавы, в которых дается характеристика групп слов с точки зрения общих элементов словообразования, правильности их сочетания и т. п. На стр. 26 диссертант вносит поправку в словарь Ф. Видемана, где словоформа *üksina* 'один' считается поэтическим словом (pt), но используется как диалектная словоформа, распространенная на прибрежной территории северо-восточной части Эстонии. Выясняется, что есть целый ряд такого рода слов (*kilduma* 'разбиваться', *kutitama* 'щекотать', *luus* 'разгуливание', *üba* 'большой, хороший (?)', *poort* 'край' и т. п.), при которых на сомнительность пометки Ф. Видемана (очевидно, опять-таки из-за экономии места) указывается не в словарных статьях, а в конце главы.

Верно наблюдение автора (стр. 59), что ряд слов прибрежной и северной части Эстонии считался неологизмами Ф. Крейцвальда. Следует также согласиться с толкованием ошибочных форм у Ф. Крейцвальда: *raudessa*, *talunes*, *ärdane* (стр. 78) и т. п.

Часть диалектных примеров при подразделении неверно помещены в группу, например, на стр. 29 *hüpe* и *konksima* отнесены лишь к словам северного диалекта, а учитывая помету *Vai* (Вайвара) их следовало бы рассматривать в подглаве «Слова, встречающиеся в северо-восточных говорах побережья и в северной Эстонии» (стр. 36 и дальше). На том же основании нельзя считать (*h*)*abrastama* (стр. 42) и *teiste* (стр. 44) с пометой *Kod* (Кодавере) словами чисто южноэстонского диалекта.

Ввиду отсутствия точных критериев в класс диалектных слов попадает *lahkelt(a)* 'любезно', хотя автор справедливо отмечает, что, по всей вероятности, оно «использовалось в литературном языке докрейцвальдовского периода» (стр. 30). Поскольку наречия на *-sti* и *-lt* не включены в словарь и грамматику Видемана, представляется слишком смелым отнесение слов такого типа с общезвестной основой к диалектным (*lahkelt* 'любезно',

palavaste 'жарко', *tasaselt* 'тихо') или даже к словам, созданным Ф. Крейцвальдом (*argselt* 'робко', *julgelt* 'смело', *tar-galt* 'умно' и др.). То же относится и к субстантивам на *-us*, которые при знании соответствующего глагола в сознании говорящего существуют *eo ipso* и их следовало бы поэтому рассматривать вместе (сейчас они входят в группу диалектных слов, например, *kisendus* 'крик', *näpistus* 'щипок', *tembutus* 'шалость' и др.).

Условно и группа слов народной песни (стр. 64 и дальше), или же в диссертации к ней отнесены лишь выражения народных песен, которые не зафиксированы в диалектной картотеке. Очевидно, впрямь и в эту группу будут внесены поправки, особенно если учитывать наличие явных соответствий в родственных языках. Так, глагол в эстонских стихах рунической формы (*h*)*elkimaie* 'звонко петь, доноситься' имеет соответствие с тем же значением в финском языке (*helkkyä*).

Из-за недостаточных сведений о территории распространения слов автор был вынужден отнести к группе созданных Ф. Крейцвальдом некоторые слова, вероятно, туда не относящиеся. Не совсем можно согласиться с принципом классификации, согласно которому и слова, в словаре Видемана не имеющие ограничительной пометы, и даже слова, снабженные несколькими примерами, рассматриваются в одной главе с образованными Ф. Крейцвальдом. Так как словарь Видемана самым непосредственным образом отражает диалектную лексику прошлого века, следовало бы серьезно взвесить представление такого рода лексики «Калевипоэга» в виде подгруппы диалектных слов. В настоящем виде словарные статьи дают информацию, противоположную принятому принципу классификации, например, на стр. 99 при слове *kerk* 'повышенные', которое диссертант в соответствии со словарем Видемана оправданно считает относящимся к разговорному языку. Для существительного *sõudik* 'гребец' (стр. 99) предполагаемый разговорный характер его мог бы быть подтвержден сравнением с диалектным словом с суффиксом *-ik* *õpik* 'ученик, учащийся'. Для существительных на *-us*, как уже было отмечено раньше, необходима более гибкая классификация (ср. на стр. 87 *lõugutus* 'брань', по Видеману *lõua-luude*

läugutus; также *rajatus* 'основа', *ropsitus* 'розги', *sajatus* 'проклятие' и др.). Все они Видеманом считаются словами разговорного языка, в диссертации же рассматриваются в главе «Слова, созданные Крейцвальдом...». Дополнительных пояснений в словарной статье, естественно, не дается, суждение же о том, что большинство слов на *e*, *i* и *u* не следует считать созданными Крейцвальдом, помещено лишь в резюмирующей части этой подглавы (стр. 101).

Поскольку исходя из формальных критериев классификации роль словаря Видемана оказывается меньшей, чем она могла бы быть в такого рода исследованиях, то по необходимости глава о так наз. словах, созданных Крейцвальдом, изобилует примерами, которые по содержанию к ней не относятся. В защиту автора следует все же сказать, что в целом в большинстве словарных статей он пытался путем многоаспектного анализа дать правдивое представление о происхождении лексики эпоса даже в труднотолкуемых случаях.

Представляется, что в некоторых случаях для глубины и правдивости анализа следовало бы последовательнее учитывать материал родственных языков, особенно финского как близкого к диалекту побережья (т. е. к родному диалекту Крейцвальда). Так, диссертант на стр. 120 считает, что Ф. Крейцвальд в форме *hili* 'поздний' для получения двусложного слова отбросил суффикс; *hili*: *hilja* 'sprät, pachtfolgend' в словаре Видемана, по мнению Я. Пеэбо, не вносит ничего нового в понимание этой формы. Если же к этому добавить фин. *hilja* с тем же значением, из которого ввиду утраты окончания получилось диал. *hili*, картина меняется. Или другой пример: форма сравнительной степени у Крейцвальда *imedam* 'более странный' позволяет сравнивать ее помимо формы Видемана *ime*: *imeda* с фин. *ihme* 'чудо', используемым в качестве адъектива, которое употребляется, как и в эстонском языке, прежде всего в форме компаратива, например, *ei hân ole muita ihmeempi* (= *imedam*) 'он не страннее других'. Объяснение глагола *kütke* 'связать' было бы более определенным при указании на точное соответствие ему и по содержанию и по форме в финском языке — *kytkä*.

Автор привел в диссертации много очень верных и точных наблюдений, например, предположение о глагольной словообразовательной основе в *tuikel* 'шатаюсь' (: *tuikuma*), *vargel* 'как вор', *vehklel* 'фехтуя' и др. Аналогично можно бы объяснить и формы *kohkel* (< **kohkudella*) 'пугаясь' и *vingel* 'свистя', что, к сожалению, не сделано.

Словообразовательные элементы наречий и других частей речи рассмотрены правильно, за исключением неточности в словарной статье *käsidele* 'в руки', где автор ошибочно отмечает, что от существительного *käsi* 'рука' Крейцвальд использовал многие неправильные формы, не являющиеся разговорными (стр. 159). Это не совсем так, ибо аллатив *käsidele* и адессив *käsidel* ~ фольк. *käsidel(l)a* в северо-восточном говоре прибрежной Эстонии — регулярные контаминированные формы множественного числа на *-de* от основ, оканчивающихся на *e* (ср. *Иыхви käside pääl* 'на руках', *Виру-Нигула jogides* 'в реках' и др.). Форма *käsidele*, таким образом, тождественна *kätele* 'в руки' (стр. 67), причем в народном употреблении обем соответствует *kädele* (*koerad said põdra kädele*). Неточно объяснение слова *sõtkütile* 'топча' (стр. 160), отнесенного ошибочно к аллативам на *-le*. По содержанию же мы имеем здесь дело первоначально с такого же рода инструктивом на *-tulle*, как и в глагольных формах *hüpatulle*, *kargatulle* 'прыгая' и др. На стр. 117 нельзя согласиться с утверждением, что форма *vesiline* 'водянистый' наряду с *lumeline* 'снежный', *suitsuline* 'дымный' имеет основу единственного числа (ср. *vesine* < **vetinen* 'водянистый', которое также имеет основу множественного числа).

В заключении (стр. 174—186) дается обобщение всех типичных особенностей лексики эпоса, в том числе и искаженных форм, возникших из стремления к архаичности и подобно стиха рунической формы. Самое ценное в заключении — это предложение диссертанта обогатить словари рядом слов из эпоса, приемливых для современного литературного языка (*ojama* 'течь', *roodama* 'бродить', *tondilane* 'злой дух', *võidulane* 'победитель', *sihilt* 'прямо', *kerk* 'повышение' и т. д.).

Список использованной литературы, приведенный в конце диссертации, богат, он занимает 18 страниц.

В целом техническое оформление диссертации корректно, работа написана хорошим языком.

В заключение следует подчеркнуть, что диссертация Я. Пезбо является существенным пополнением немногочисленных исследований лексики эстонского языка.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Л. И. Тураева, Эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя на территории ТАССР (морфология). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1972.

6 апреля 1973 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук ассистентом кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева Л. И. Тураевой. Диссертация подготовлена под руководством доцента Д. В. Цыганкина. Автор показала себя эрудированным исследователем, работа вполне заслуживает той высокой оценки, которую дали ей официальные оппоненты академик АН ЭССР, доктор филологических наук профессор П. Аристэ и кандидат филологических наук М. Д. Имайкина.

Диссертация, представляющая собой описание морфологии ряда эрзянских говоров на территории Татарской АССР, является звеном в планомерном изучении мордовских диалектов, начатом в 1958 г. Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики и кафедрой мордовских языков университета. Она продолжает исследование мокшанских и эрзянских говоров, находящихся за пределами Мордовской АССР.

Вследствие того, что вышеуказанные говоры, сформировавшиеся в условиях иноязычного окружения, до сих пор специально не изучались, а сведения о них могут представить определенный интерес при рассмотрении грамматического строя мордовских языков и при исследовании этнической истории мордовского народа, выбор темы представляется вполне актуальным и своевременным.

Перед исследователем стояла сложная задача — разобраться в пестроте языковой картины, обусловленной рядом причин, основными из которых являются, во-первых, то, что мордва на указанной тер-

ритории образует пришлое с разных мест население, говоры которого неоднородны по своей фонетической и морфологической структуре; во-вторых, то, что эти говоры уже давно развиваются, влияя друг на друга и контактируя с татарским, чувашским и русским языками.

С поставленной задачей, как нам кажется, автор справилась: рецензируемая работа представляет собой ценный вклад в мордовское языкознание.

В первой части диссертации Л. И. Тураева дает краткий обзор истории изучения мордовских диалектов, а также приводит некоторые этнографические сведения, справедливо считая, что развитие языка (говора) неразрывно связано с историей его носителей. На основе косвенных данных автор делает вывод, что мордовское население на территорию исследуемых говоров пришло приблизительно 300 лет тому назад из Нижегородской и Пензенской губерний. Говоры по своим фонетико-морфологическим особенностям распадаются на три группы.

Основную часть диссертации составляет описание морфологии вышеуказанных эрзянских говоров, где делается вывод, что они, имея ряд специфических особенностей, отличающих их от литературного языка и других эрзянских диалектов, принципиальных расхождений с морфологической системой последних не обнаруживают.

В исследуемых говорах выделены те же части речи, что и в эрзянском литературном языке: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послелоги, частицы, союзы. Анализ их морфологических категорий и посвящена данная работа.

Характеризуя грамматическую категорию числа существительного, которая в общем не отличается от таковой в литературном языке, диссертант отмечает